

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ
по ФРЕЙДУ

«Двойной детектив по Фрейду» —

это не только два классических
криминальных романа,
но и психологический поединок
страсти и рассудка,
реальности и мечты,
импульсивных эмоций
и голого расчета.

Анна
ДАНИЛОВА

ЗВЕЗДЫ-СВИДЕТЕЛИ

ВИТАМИН ЛЮБВИ

ЭКСМО

Москва 2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 18

Оформление серии *Д. Сазонова*

Данилова А. В.
Д 18 Звезды-свидетели ; Витамин любви : пове-
сти / Анна Данилова. — М. : Эксмо, 2013. —
544 с.

ISBN 978-5-699-67283-7

«Звезды-свидетели»

Отныне опасность — постоянный спутник известного композитора Германа Родионова. Он не смог отказать в гостеприимстве некой Нине, нагло забравшейся в его машину и потребовавшей убежища. Герман пожалел девицу, приютил ее. А она — в благодарность! — рассказывает ему одну жуткую историю за другой! И мужа-то она своего застрелила, и мачеху отравила, и бывшего начальника прикончила... Герман вынужден слушать рассказы сумасшедшей! Но какая доля правды и вымысла в кошмарных откровениях? Что, если все это случилось на самом деле?!

«Витамин любви»

Мила привыкла быть первой во всем, вызывать зависть и восхищение. Столь же виртуозно Мила распоряжается мужскими сердцами — сначала завоевывает, затем использует, потом бросает. Причем в любовных делах ей интересно еще и одержать верх над сверстницами, ведь просто любить... скучно. Так и порхает диковинная бабочка, задевая нежными крыльями чужие судьбы, пока не попадает в смертельную ловушку. Но перед смертью успевает обвинить в своем решении уйти из жизни хорошего человека, просто не способного на жестокость!..

УДК 82-3

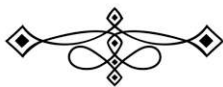
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67283-7

© Дубчак А.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ЗВЕЗДЫ – СВИДЕТЕЛИ

1

Он ехал и размышлял — вдохновляет ли его зимний сказочный лес и эти переливающиеся серебром ели на создание новых мелодий, или же наоборот — именно музыка, льющаяся из магнитолы и заполняющая собою весь салон, заставляет его по-новому воспринимать мир, этот лес и склонившееся над ним в нежном зимнем сиянии голубое небо? Ответа на подобные вопросы не существовало, и это он тоже понимал. Он вообще многое понимал, но жить от этого легче не становилось. Ему казалось, что он жил в гармонии с собой, все его устраивало в этой жизни, и теперь, когда он скрылся из шумной назойливой Москвы в тихий лес (где, однако, позволил окружить себя привычным комфортом), мелодии должны рождаться сами собой — в его душе, голове, ушах, сердце... Но ничего подобного не происходило. Весь талант, отпущенный ему свыше (все чаще и чаще его посещали такие мысли), словно оставил его, и теперь он, Герман Родионов, известный все еще композитор, чье имя на слуху у каждого человека, более или менее разбирающегося в

музыке и любящего кино, страдал от творческого бесплодия. Иногда он называл себя в душе музыкальным импотентом, и это было ужасно!

Из Москвы он уехал без сожалений, даже ни разу, что называется, не оглянувшись. Купил дом в Подмосковье, в лесу, перевез туда свои вещи, кабинетный рояль, поручил своему другу и продюсеру Леве Рубину присматривать за его московской квартирой и, дав всего лишь одно короткое интервью знакомому журналисту, объявил всему миру о своем желании поработать в тишине и уединении. Поначалу его телефон словно жил своей жизнью — дисплей то загорался, то гас, оповещая его об очередном желающем услышать его голос, а сам телефон издавал неприятные, какие-то зудящие и словно бы елозящие звуки — мол, обрати на меня внимание, ведь это же тебя хотят, а не меня, — но потом звонки прекратились. Слово весь прежний мир его друзей и знакомых понял наконец, что его желание уединиться было все же настоящим, и никакая это не блажь, не дурь — что весь его сложный творческий организм потребовал от Германа именно такого поступка.

Трудным оказалось первое время добровольного затворничества, поскольку по сравнению с теплой комфортной московской квартирой дом этот напоминал Герману некий живой и абсолютно автономный организм, требовавший к

себе постоянного внимания. Живым был паровой котел — при его помощи отапливались комнаты; живым был и самостоятельный, грубоватый с виду камин, который Герман довольно долго учился растапливать дровами (как, впрочем, и паровой котел). Благо электричество было все же не автономным и существовало вполне цивилизованно, питаясь от высоковольтных проводов, тянувшихся от трассы куда-то в лес. Хотя и в этом вопросе прежним хозяином было все предусмотрено досконально: в кладовой Герман нашел небольшой новенький генератор и две бутылки с бензином — на случай, если отключат ток. При помощи этого генератора вполне возможно оставаться со светом и включенным телевизором, не говоря уже о компьютере.

Помимо генератора, в кладовке — уже завезенное самим Германом — было уложено на полках большое количество консервов и спиртного. Почему бы и нет?

В самом доме было всего три комнаты — гостиная, спальня и кабинет. Чувствовалось, что этот дом строился человеком, заранее знавшим, что он будет здесь жить один. Он и жил здесь один, и то, что Герман выяснил о престижном хозяине, наводило на него тихий ужас... Однако никакие кошмары той жизни, когда-то обосновавшейся здесь, не пристали к новому жильцу. Герман чувствовал себя в доме вполне спокойно,

комфортно, хотя и держал всегда при себе небольшой пистолет «Иж-71», да и замки на дверях были внушительными.

Как и всякий нормальный человек, просматривающий криминальную хронику, он понимал, что в округе могут найтись желающие поживиться чужим имуществом, поэтому совсем уж в безопасности почувствовать здесь себя он не мог. Но и способа, как защититься от воров или бандитов, он тоже не видел. А потому старался об этом совсем не думать.

Он переехал в киселевский лес летом. Тогда же, расслабившись на свежем воздухе и размечтавшись, он купил себе два десятка взрослых курочек (благо прежний хозяин построил теплый сарай) и все это время находил истинное удовольствие в том, чтобы каждый день около полудня вынимать из ящичков, устланных соломой, свежие яйца.

Но если поначалу у него много времени уходило на обустройство и привыкание к новым условиям жизни, и свое творческое безделье он оправдывал именно этими обстоятельствами, то теперь, зимой, когда весь быт уже налачился и единственное, что отвлекало Германа от работы, — нечастые поездки в город за продуктами, оправдания своему нежеланию садиться за рояль уже больше не имелось...

Вернее, он садился за рояль, открывал крышку и пытался наигрывать какие-то мелодии, но потом оказывалось, что он играл свою прежнюю музыку из фильмов, и вырваться из этого круга знакомых музыкальных тем было, казалось бы, невозможно.

Иногда его спасала классическая музыка. Самая разная. Он мог часами слушать фортепьянные записи Рахманинова или Скрябина, а потом наслаждаться музыкой Нино Рота. Или начать утро с Альбиниони или Брамса, а вечер провести в компании с Дэнни Эльфманом или Эннио Морриконе. Он с удовольствием слушал многочисленные записи Паваротти, и иногда на него находило нечто такое, что он, закрыв лицо ладонями, словно его кто-то мог увидеть, рыдал... вначале он думал, что рыдает от нахлынувших на него чувств, связанных с его разрывом с женой, и тогда он предавался воспоминаниям, углубляясь в них, — и словно видел перед собой Веронику, слышал ее голос; больше того, в какие-то моменты ему казалось, что он поступил с ней подло: предал, оставив ее одну, на растерзание влюбленного в нее по уши Михаила. Но потом он с горечью осознавал, что плачет не по своей угасшей любви к этой милой романтической женщине (к тому же очень быстро выскочившей замуж за этого самого Михаила и успевшей родить ему двоих сыновей), а по себе самом, по своей

утраченной силе, — страдает именно как композитор. Что творцы, чью музыку он поглощал всем своим существом, были гениями и наверняка не мучились так, как он, в поисках новых проникновенных мелодий, а он, он... А ему уже ничто не поможет! Ни тихий лес с открытым для порывов вдохновения небом, ни отсутствие раздражающих факторов (друзья, тусовки, суета, женщины), ни бездна свободного времени, ни, как он прежде считал, талант.

На этот раз в салоне его автомобиля звучала Лара Фабиан — *The Dream Within*. Хотелось ехать и ехать, скользя мимо сугробов, сверкающих так, что, казалось, они посыпаны бриллиантовой пылью...

Машина въехала в лес, дорога сузилась, и Герман подумал, что, к счастью, неподалеку от этого леса находится жилой поселок Киселево с отлично налаженной инфраструктурой, и что сюда — по его же просьбе — время от времени навешиваются трактора, расчищающие путь. До самых ворот его дома.

Багажник был забит покупками, и Герман предвкушал, как он сейчас приготовит себе салат из свежих овощей. Почему-то в такие вот затянувшиеся холодные дни ему всегда хотелось чего-то свежего, витаминного, и в магазине у него просто глаза разбегались от изобилия свежих помидоров и перцев, баклажанов и зелени.

— Только не пугайтесь! — услышал он вдруг за спиной женский голос и похолодел. Руки произвольно повернули руль, и машина врезалась носом в мягкий пышный сугроб. — Я забралась к вам в машину, когда вы на стоянке разговаривали с каким-то мужиком... просто у меня проблемы, и мне пока что негде жить. Я знаю, кто вы и где живете, читала в каком-то журнале. Да и внешность у вас запоминающаяся. Красавчик такой!

Герман медленно повернул голову, уверенный в том, что прямо ему в лоб окажется направлено дуло пистолета. Примерно такого же, как его «Иж-71». И не приготовит он себе салат. И вообще, он никогда не выйдет из машины. И весь дорогой кожаный салон его автомобиля кто-то долго будет потом отмывать от крови... Вот такие идиотские мысли у него в голове крутились, пока он не встретился взглядом с ярко-синими глазами худенькой русоволосой девушки в золотистой курточке с капюшоном, отороченным мехом рыжей лисицы. Оружия у нее в руках не было.

Голос у нее был приятный, хрипловатый, чувствовалось, что она курит. Глаза смотрят весело и одновременно умоляюще.

— Я не понял: вам что от меня нужно? Деньги? — хрипло спросил он.

— Пожить у вас, чтобы меня никто не нашел.

— Проблемы на личном фронте? — Он и сам не понял, откуда у него взялся этот ироничный,

ничем не оправданный тон. А вдруг у девушки на самом деле серьезные проблемы, а он подшучивает над ней? Или после испуга его бросило в другую крайность?

— Да, можно сказать и так, — с ее нежного лица сошла улыбка. Да и румянец тоже исчез, как будто его кто-то стер.

— Но я живу один не потому, что мне не с кем жить, а потому, что мне нужно работать... я не смогу заниматься своими делами... Вы же знаете...

— Да все я знаю, — устало проговорила она и мгновенно словно бы стала старше. — Вы же Герман Родионов, верно? Это же вы написали музыку к фильмам «Моя мать — кукушка» и «Чужая кровь», так? И еще многое другое... К спектаклю «Маргарита никогда не вернется» и «Один страх на двоих»...

Я не удивился. Многие меня знают — даже в лицо. Хотя обычно композиторов узнают по их музыке. Но я же не проигрыватель, чтобы от меня постоянно исходила музыка! Словом, я не знал, как мне отреагировать на то, что в мою машину, пока я беседовал на парковке возле супермаркета с приятелем, забралась незнакомая девушка с какой-то проблемой. Быть может, будь я помоложе, я бы не растерялся так сильно. Или же я продолжал разгрызать уже не только перед собой, но и перед незнакомкой свою чрезмерную занятость, словно

присутствие в моем доме постороннего человека может помешать мне рождать каждый день по гениальной мелодии? Как бы то ни было, но воспитание не позволило мне открыть дверцу машины и вытряхнуть мою неожиданную пассажирку в сугроб.

— Хорошо, поедем ко мне, а там видно будет, — сказал он уныло, с трудом представляя себе, как будет строить отношения с этой девицей. И в какой роли выступит — обвинителя или защитника?

— Вот спасибо!

Больше она до самого дома не проронила ни слова. Герман посматривал на нее в зеркало — она сидела, с задумчивым видом уставившись в окно, и видно было, что она страдает. А он пытался представить себе, что же могло ее заставить залезть именно в его машину? Словно это не он, а она живет в глухом лесу, без друзей и родственников, у кого можно было бы перекантоваться, переждать тяжелое для себя время. А если она все это выдумала, чтобы забраться в его берлогу и стясти с него деньги? Но наличных у него в доме совсем мало, в городе, как правило, он расплачивается карточками. Золота и драгоценностей у него тоже нет.

— Я не воровка, — вдруг произнесла она, словно услышав его мысли.